

Хотя шторы были задернуты, бледный лунный свет пробивался сквозь панорамные окна, позволяя смутно разглядеть убранство комнаты.

Именно здесь, в этот самый день, стоило ему выйти из душа, как в дверь постучали.

Можно было бы не открывать, но на душе у него было беспокойно, и он боялся, что стук привлечет лишнее внимание.

Гао Цзюнь осторожно спросил:

— Цзихэн, почему свет не включил?

Щелк!

Загорелся настенный светильник.

Тусклый, давящий свет не принес облегчения — напротив, стало еще тяжелее.

Хэ Е сидел на диване у окна. На журнальном столике стояла початая бутылка красного вина, рядом — полупустой бокал.

Похоже, он выпил еще до того, как я пришел, — подумал Гао Цзюнь.

Тишина затягивалась.

В комнате стояла невероятная, звенящая тишина.

Гао Цзюню казалось, что даже звук его собственного сглатывания нарушает этот покой. В голове была пустота, мысли будто залили цементом — он не мог пошевелиться.

Внезапно мужчина бросил в него какой-то пакет.

Гао Цзюнь поспешно его поймал.

— Открой, посмотри, — небрежно бросил тот, отпивая вина.

Это был конверт с документами.

Гао Цзюнь открыл его — внутри лежали две бумаги.

Стоило ему достать их, как на лбу проступил холодный пот.

Два документа: соглашение о разводе и доказательства его измен, фиктивного брака и отчет о расходах после свадьбы.

Пролистывая соглашение, он бледнел на глазах, пока в конце концов его не охватил настоящий ужас.

Если он подпишет — это не только развод, ему придется еще и выплатить все долги.

— Цзихэн... — прошептал он.

Мужчина напротив, с холодным лицом и ледяным взглядом, казался изваянием из снега. Даже на таком расстоянии от него веяло холодом.

— Подпишешь — и можешь быть свободен.

Свободен...

Свобода означала, что с безбедной жизнью покончено.

Она означала десятки тысяч долгов и ежемесячную каторгу ради их погашения.

Означала насмешки родных и коллег, означала, что придется искать какую-нибудь невзрачную женщину, снимать с ней жилье и влачить жалкое существование, а появление ребенка лишь окончательно добьет эту нищую семью!

От одной мысли об этом Гао Цзюнь бросало в дрожь.

Как я могу уйти?!

Я не уйду!

Гао Цзюнь с рывком подался вперед и обхватил ноги Хэ Е.

Все накопленное за последнее время отчаяние вырвалось наружу. Он с ужасом осознал, что, кроме как молить о пощаде, ему больше ничего не остается.

Горячие слезы пропитали добротные брюки Хэ Е, он завыл:

— Цзихэн! Я виноват! Я правда знаю, что совершил ошибку! Умоляю, не надо так... Я буду вести себя хорошо, буду слушаться во всем... Прошу, не разводишься со мной!

— Это все я! Я ничтожество!

— Я ничтожество!

Гао Цзюнь, потеряв рассудок, видя, что слезы не помогают, в отчаянии начал бить себя по щекам, окончательно теряя человеческий облик.

— Отпусти, — холодный голос не дрогнул ни на йоту, словно пути назад уже не было.

— Не хочешь подписывать — не надо, — Гао Цзюнь не успел обрадоваться, как услышал продолжение: — Мой адвокат с тобой свяжется.

Гао Цзюнь запаниковал. Стоя на коленях, он вцепился в ноги Хэ Е:

— Цзихэн, я больше никогда так не буду! Это все не по моей воле, это отец! Это он сказал, что хочет внуков! Я правда тебя люблю! Правда! Я готов на все ради тебя! Что угодно сделаю!

С этими словами он в панике начал расстегивать ремень на брюках Хэ Е, беспорядочно целуя его в пах.

У Хэ Е вздулись вены на висках, и он не сдержался — с силой оттолкнул его ногой!

Удар пришелся точно, Гао Цзюнь отлетел к самой кровати. Он закашлялся, видимо, сильно ушибившись.

Гао Цзюнь прикусил язык, во рту разлился вкус железа. Ребра ударились о ножку кровати, от боли его прошиб холодный пот.

Он беззвучно хватал ртом воздух, чувствуя, как силы покидают его.

Но в душе, вопреки всему, промелькнула искра надежды: может, теперь Цзихэн сжалится?

Но его ждало разочарование. Хэ Е, не оглядываясь, направился к гардеробной, взял пиджак и собрался уходить.

Гао Цзюнь вздрогнул. Забыв о боли, не зная, откуда взялись силы, он снова вскочил и бросился к мужчине. Все произошло за считанные секунды.

Он снова вцепился в ноги Хэ Е, обливаясь слезами и умоляя.

— Умоляю, Цзихэн, прошу тебя... Я буду послушным, больше никогда не повторится, дай мне шанс.

— Послушным? — в голосе Хэ Е сквозила насмешка.

Гао Цзюнь, у которого глаза заплыли от слез, отчаянно закивал:

— Да, я буду послушным!

— Помнишь, что я сказал, когда ты ушел гулять с друзьями, а потом позвонил мне?

Сердце Гао Цзюня сжалось. Он понимал, что от ответа зависит его судьба. Судорожно перебирая в памяти события, он вдруг просиял:

— Ты сказал, что веришь мне, и что я должен быть достоин твоего доверия... — голос его затих.

Тогда он не придавал этим словам значения, и действительно, доверия он не оправдал.

— И это ты называешь быть достойным моего доверия?

Гао Цзюнь понимал, что виноват, но не мог позволить ему уйти. Он продолжал молить и клясться.

— Цзихэн, дай мне еще один шанс! Я буду делать все, что ты скажешь! Если еще раз ошибусь — пусть меня гром поразит!

Гао Цзюнь умолял некоторое время и, почувствовав, что тело мужчины под его руками немного расслабилось, поспешил заверить его в своей преданности.

— Все, что я скажу?

Низкий мужской голос раздался сверху. В расплывчатом от слез зрении Гао Цзюня лицо мужчины казалось искаженным легкой усмешкой, а черные глаза были темными и безжизненными — они невольно напомнили ему о кошмарах.

Из щели в окне потянуло ветром, и Гао Цзюнь невольно вздрогнул.

Видя, что тот смягчился, он закивал с новой силой, охваченный восторгом.

Затем он услышал тот же отстраненный, ленивый тон:

— Ступай домой. Я пришлю тебе другое соглашение. Подумай хорошенько, прежде чем подписывать.

22. Первый подонок (конец)

Гао Цзюнь вернулся в квартиру отца, не помня себя от горя.

На тревожные расспросы отца он не отвечал, заперся в спальне и накрылся с головой, притворяясь мертвым.

На самом деле, он был в полном отчаянии.

Ли Цзихэн никогда не был тем, с кем можно шутить.

За то время, что он прожил в семье Ли, сколько раз он переделывал работу, если та не соответствовала требованиям?

Особенно когда речь заходила об интимной близости — стоило ему проявить нежелание, как в доме надолго воцарялась гнетущая атмосфера, и Цзихэн начинал придираться к каждой мелочи...

Это чувство — необходимость постоянно подавлять свое Я и угождать другим — невозможно понять, пока не прочувствуешь на собственной шкуре.

В этот раз доказательствами его фиктивного брака стали фотографии с бесконечных свиданий, анкета из брачного агентства, где в графе ориентация он четко указал гетеросексуальность, и даже его посты на форумах с оскорблениями в адрес гомосексуалов...

А еще записи с камер наблюдения, подтверждения посещения отелей... и даже показания родственников тех, с кем он изменял...

Все это приводило его в ужас.

Он был клеймен как лжец и аморальный подонок.

Если все это всплывет или Ли Цзихэн решит использовать общественное мнение, он станет изгоем, которого будут гнать отовсюду, как крысу из канализации.

Он никогда больше не сможет жить как человек.

При мысли об этом Гао Цзюнь рыдал, слезы высыхали и текли снова.

Он был напуган до смерти.

Если до того, как он увидел доказательства, у него еще теплилась слабая надежда на то, что он сможет все исправить или хотя бы сохранить видимость равенства, то теперь он был подавлен

и боялся мечтать о чем-либо.

К счастью, он не совершил глупость, не порвал с Ли Цзихэном и не развелся.

Если бы они развелись, долги и общественное порицание разрушили бы его жизнь.

Разве Ли Цзихэн проявит милосердие после развода?

С его мстительным характером разве он просто отпустит его?

Только сохранив брак, оставаясь семьей, ради репутации дома Ли, он мог рассчитывать на снисхождение.

Остались ли у Ли Цзихэна чувства или у него были другие цели — Гао Цзюнь решил, что, что бы тот ни прислал, он ухватится за этот шанс и будет стараться изо всех сил.

Через некоторое время телефон пиликнул — пришло письмо.

Гао Цзюнь вытер слезы о покрывало, прищурил опухшие глаза и открыл почту.

В письме был файл.

В нем были сплошные ограничения: от одежды и еды до развлечений и расходов — каждое нарушение означало разрыв брака и выплату компенсации за все расходы, понесенные семьей Ли.

Внизу мелким шрифтом было указано, что право окончательного толкования принадлежит Ли Цзихэну, а все меры наказания зависят исключительно от его воли.

Хотя условия были жесткими, Гао Цзюнь жил так уже полгода, так что это было не в новинку.

Однако последние два пункта его смутили.

Предпоследний: он должен признать свои прошлые ошибки и написать обязательство.

Написанное на бумаге станет новым козырем в руках Ли Цзихэна. Это его пугало.

Последний пункт: поскольку он сам признался, что действовал по указке отца, что серьезно повлияло на брак, он должен разорвать все связи с ним. Ежемесячное содержание отца берет на себя Ли Цзихэн.

Особенно последний пункт — разорвать связи...

Не слишком ли это?

Гао Цзюнь стиснул зубы и ответил: Цзихэн, я подпишу, но можно убрать последний пункт? Это все-таки мой отец, я буду реже с ним видеться, можно?

Через некоторое время пришел ответ. Гао Цзюнь поспешно открыл его.

Господин Гао, здравствуйте. Я адвокат господина Ли. Ваше требование передано господину Ли, но он не согласен. Он сказал, что однажды уже доверился вам, но вы не оправдали этого доверия. В его глазах вы больше не имеете никакой репутации.

Это значило, что всем его обещаниям грош цена, ему больше не верят.

...

Гао Цзюнь в отчаянии вытащил пачку сигарет и выкурил полпачки подряд.

Отец вошел в комнату и едва не задохнулся от дыма, но не посмел ругать сына, лишь осторожно спросил:

— Сяо Цзюнь, ну что там?

Гао Цзюнь от раздражения бросил телефон отцу.

Отец прочитал все и едва не хватил удар.

— Этот Ли Цзихэн! Он вообще считает тебя за человека?! Даже собакам дают погулять!

Но Гао Цзюнь, видя последний пункт, счел остальные условия вполне приемлемыми.

— Папа, посмотри на последний пункт! Все из-за твоих дурацких советов, из-за которых я на тебя все свалил!

Отец же отреагировал на последний пункт спокойнее.

— Сколько мне еще осталось? А ты? Тебе еще полжизни жить. Разве можно позволить ему так управлять тобой? И потом, если он запретит нам общаться, мы что, не сможем? Он же не будет следить за тобой 24 часа в сутки?

Гао Цзюнь подумал и решил:

— Значит, подписываю?

Отец, видя, что сына не волнует отсутствие свободы, лишь тяжело вздохнул.

— Попроси его еще раз.

— Он не изменит решения.

— Может, ну его, разведемся, Сяо Цзюнь?

— Нет! Я не разведусь!

Нельзя разводиться, он не смеет рисковать и проверять доброту Ли Цзихэна.

...

В конце концов Гао Цзюнь подписал.

Он поставил условие: погасить долги семьи и выплатить отцу миллион в качестве единовременного пособия, а если отец заболеет или случится беда — Гао Цзюнь сможет приехать, чтобы проводить его в последний путь.

Хэ Е согласился, но пособие согласился выплачивать лишь по 5000 в месяц.

Гао Цзюнь смирился.

Гао Цзюнь вернулся в дом Ли.

Свекровь его не жаловала, золовка игнорировала, муж был постоянно занят, а после того как экономка уволилась, вся работа по дому легла на его плечи.

Чтобы задобрить свекровь и золовку, он учился готовить, старался угодить им, работал усерднее прежней экономки.

Через полгода Хэ Е привел двух взрослых собак, и статус Гао Цзюня упал еще ниже.

Теперь он прислуживал не только трем взрослым, но и двум длинношерстным псам.

Хэ Е лишь играл с ними.

Дорогие часы и машина, о которых он мечтал, были куплены, но так и лежали в коробках и гараже — им не суждено было увидеть свет.

У него больше не было прежнего запала.

Постепенно у Гао Цзюня не осталось друзей. Хань Дин, с которым они когда-то хорошо общались, перестал звонить, видя, что тот вечно занят.

Дело было не в том, что он не хотел выходить — у него просто не оставалось ни минуты свободного времени из-за работы по дому.

Поскольку семья переехала в дом вдвое больше прежнего, с двумя дворами и четырьмя этажами, одна только уборка отнимала уйму времени.

А чтобы готовить вкусно, нужно было вкладывать душу и тратить часы.

К счастью, все трое работали и не всегда ели дома, иначе он бы свалился с ног.

Он как-то предлагал нанять еще помощников или приходящую домработницу, но Ли Цзихэн его осадил.

Мужчина как раз развязывал дорогой галстук, и тот с мягким шорохом соскользнул с безупречной рубашки.

Он слегка изогнул губы в усмешке, в голосе слышалась ирония.

— Не говори мне, что ты не справляешься с домашними делами. Чем ты еще занимаешься? Многие женщины успевают и карьеру строить, и дом в идеальном порядке держать. Ты же мужчина, не работаешь, а еще жалуешься на усталость?

Что мог ответить Гао Цзюнь?

Оставалось лишь молча продолжать свою неблагодарную работу.

Его жизнь сузилась до готовки и уборки.

Когда муж и свекровь разговаривали, он никогда не мог вставить слово. Часто его посещало

чувство, что он всего лишь слуга в этом доме.

Его ценность сводилась к еде и чистоте.

Его социальные навыки, умение решать вопросы и профессиональные способности увядали на глазах.

Эти перемены пугали его, но он был бессилен.

Даже если жизнь была сытой, какая от нее радость?

Он не раз думал о том, чтобы пойти работать, но в прошлый раз, когда он заикнулся об этом, в доме появились две собаки. Он боялся, что если заговорит снова, их станет четыре.

Он был на пределе.

Его прическа оставалась неизменной, и как бы дорого он ни одевался, он выглядел серым и невзрачным. Перед людьми, сияющими успехом, он не мог поднять головы.

В отличие от него, его муж становился все более успешным.

Красивый, обаятельный мужчина входил в пору зрелости, подобно выдержанному вину, привлекая толпы поклонниц.

Даже он сам, ежедневно глядя на такого выдающегося мужчину, незаметно для себя сменил зависть на восхищение, а затем — на глубокую, спрятанную на дне сердца любовь.

Бизнес мужчины рос, особенно после успеха противораковых добавок, разработанных его научно-исследовательским институтом, что принесло ему еще большую славу.

А он сам постепенно немел от ежедневного механического труда.

Позже Ли Цзию вышла замуж и родила ребенка, и ему пришлось прислуживать еще и зятю с младенцем.

А потом умер отец. После похорон Гао Цзюнь долго плакал у его могилы.

Словно хотел выплакать всю накопленную за эти годы усталость, горечь и неисполненные мечты.

Слезы, стекавшие по губам, казались горькими, как настойка коптиса, которую он пил годами.

Его приглушенные рыдания были полны боли.

Никто не знал, что в глубине души он кричал: я жалею.

В это время муж не дарил ему ни капли тепла или утешения.

Именно тогда Гао Цзюнь смирился.

Что еще он мог сделать?

Без связей, без способностей, которые окончательно деградировали, что ему оставалось, кроме как держаться за Ли Цзихэна?

Может, как говорили родственники, не стоит идти против воли Ли Цзихэна, не стоит злить его и молиться, чтобы он не увлекся другой, чтобы не привел в дом любовницу или любовника.

Ведь без Ли Цзихэна он был никем, даже на жизнь заработать не мог.

Мужчина средних лет, без опыта работы, без навыков, кроме домашних дел — неужели он пойдет в агентство по найму, чтобы за гроши до конца жизни драить чужие полы?

...

Как жалко.

Выплакавшись, Гао Цзюнь почувствовал облегчение.

Когда он встал, кто-то протянул ему салфетку. Он взял ее, вытер глаза и поблагодарил.

Подняв взгляд, он замер.

Перед ним стояла деловая женщина с выражением жалости на лице. Ее лицо казалось знакомым.

— Вы... кто?

— Моя фамилия Юй. Не помните меня, господин Гао? — мягко спросила женщина.

— Госпожа Юй.

— Госпожа Юй, — поправила она.

Знакомое лицо, знакомый голос.

Внезапно, как молния, его пронзила догадка.

Госпожа Юй?!

Та самая госпожа Юй, с которой он когда-то ходил на свидание?!

Жалость в ее глазах обожгла его онемевшее сердце.

Он притворился, что не узнал ее, сослался на дела и поспешно ушел.

Отойдя на некоторое расстояние, он оглянулся.

Женщина стояла рядом с его мужем. Они о чем-то оживленно беседовали, на равных, как близкие друзья. Эта близость вызывала жгучую зависть.

— Кто это? — спросил он у проходившего мимо сотрудника компании.

— А, это госпожа Юй. Она новый вице-президент, очень талантлива. Говорят, они с господином Ли старые знакомые. Ей за тридцать, но разве скажешь? Она всегда просит называть ее госпожой Юй, никакой заносчивости... Она говорит, что это имя для нее много значит, это то, что закаляло ее на пути к успеху...

Сотрудник явно восхищался этой женщиной. Гао Цзюнь больше не слушал, он медленно развернулся и ушел.

Он вернулся в машину и стал ждать Хэ Е.

<http://bllate.org/book/21638/2232758>